

Гу Суйчжи в очередной раз сменил тон и принялся вкрадчиво, почти ласково увещевать:

— Ну же, скажи, как мне загладить вину? Что бы ты ни пожелал — я всё исполню, идёт?

— Помолчите хоть немного, — отозвался Линь Му, чувствуя, как начинает ныть голова. — Я...

На самом деле он не то чтобы всерьёз злился — скорее, его донельзя раздражало то, с какой лёгкостью Гу Суйчжи превращал его в объект своих прихотливых насмешек.

«И злился я не столько на него, сколько на самого себя».

В мире заклинателей, где счёт жизни шёл на столетия и тысячи лет, его нынешний возраст казался ничтожным. Стоило ему выйти в свет, как любой старейшина мог бросить ему в лицо пренебрежительное «мальчишка». Но в то же время Линь Му помнил свою прошлую жизнь, в которой он тоже прожил не один век. Если сложить обе жизни, людей он повидал немало.

***

Мо Сюнь как раз пытался устроиться поудобнее, чтобы, навалившись на край каменного чана, поглазеть на рыб, но Мо Хэмяо бесцеремонно развернул его за плечи, заставляя снова предстать перед собой и Фан Лином.

— Ну чего вам! — недовольно буркнул Мо Сюнь.

Второй принц легонько постучал брата по макушке:

— Маленький дурачок, ты гляди, какой усердный — второй день подряд Наследного брата навещаешь. Что-то я не припомню, чтобы ты ко мне с такими визитами заглядывал.

— А второй брат тоже заболел? — невинно поинтересовался Мо Сюнь.

— Нет.

Мо Сюнь обиженно выпятил губу, и на его лице отразилось крайнее недоумение:

— Раз не заболел, зачем навещать?

— Навещают не только больных. Это называется — родственная привязанность.

Мо Хэмяо задумчиво постучал веером по ладони, и в его глазах вдруг вспыхнул лукавый огонек:

— Маленький дурачок, ответь-ка мне: если бы мы со старшим братом заболели одновременно, к кому бы ты пошёл в первую очередь?

Мо Сюнь:

«...»

«Ну и гад же ты! До чего коварный человек! Чем этот вопрос отличается от тех, что любят задавать назойливые родственники на праздниках: "Кого ты больше любишь — маму или папу? Бабушку или дедушку?"»

Благо, Мо Сюнь был «дураком». И у него был свой способ решать подобные дилеммы века.

— Хе-хе, — Мо Сюнь расплылся в улыбке, — если старший и второй брат заболеют сразу, я попрошу Ян Ло разрезать меня пополам. И тогда я пойду к обоим!

Помедлив, он перебросил мяч на сторону Мо Хэмяо:

— А второй брат? Которого меня ты любишь больше — того, что слева, или того, что справа?

Мо Хэмяо:

«...»

Фан Лин всё это время хранил молчание. Он стоял, прислонившись к стене и скрестив руки на груди, и сверлил Мо Сюня тяжелым, испытующим взглядом. Наконец он не выдержал и коротко, резко кашлянул.

Мо Сюнь тут же обернулся к нему. Молодой маркиз нахмурился:

— Чего уставился? Не смотри на меня.

Мо Сюнь послушно отвернулся. Сказали не смотреть — не будет. Он снова навалился на край чана, возвращаясь к созерцанию карпов.

Увидев, что разговор окончился, к Мо Хэмяо тут же поспешил какой-то чиновник, желая завязать беседу. Мо Хэмяо, припадая на больную ногу, сделал несколько шагов ему навстречу, уводя гостя в сторону.

А Фан Лин остался. Он замер в прежней позе, не сводя глаз с Мо Сюня, который что-то увлеченно нашептывал рыбам. Взгляд маркиза был полон любопытства и странного сомнения — точно он разглядывал какое-то диковинное существо.

Мо Сюнь не обращал на него внимания, пока не почувствовал, что в горле пересохло. Он выпрямился и, будто только что заметив Фан Лина, вздрогнул, отступил на пару шагов, а затем снова рассмеялся:

— Ой, а ты тоже слушал мои сказки?

Он хитро прищурился:

— Давай я тебя проверю. Знаешь ли ты, зачем автор посадил перед дверью именно два финиковых дерева? Какое чувство он хотел этим выразить и какие черты характера героя подчеркнуть?

Фан Лин:

«...»

Маркиз пропустил этот бред мимо ушей. Его взгляд, острый и хищный, точно у волка, впился в лицо Мо Сюня.

— Ты и впрямь ничего не помнишь? — глухо спросил он.

— Помню... а что? — Мо Сюнь выглядел совершенно растерянным.

Фан Лин не ответил. Он расстегнул наручи, засучил рукав и выставил вперед руку. Его предплечье было крепким, с сухими, рельефными мышцами. Но вид портили несколько уродливых багровых шрамов, которые змеились по коже.

— Это твоя работа. Неужели забыл?

Мо Сюнь долго, очень долго смотрел на эти отметины. Фан Лину даже на миг показалось, что принц решил прожечь его руку взглядом. Когда маркиз уже собрался было одернуть рукав, Мо Сюнь вдруг подался вперед.

Он протянул руку и накрыл ладонью эти шрамы, осторожно, почти ласково потирая их. Фан Лин резко отпрянул:

— Не трогай!

— Я не помню, — честно ответил Мо Сюнь на его вопрос. — Неужели это правда я сделал? Не помню... А почему? Может, это ты меня обидел?

«Даже лишившись памяти, этот пройдоха не теряет таланта перекладывать вину на других».

Фан Лин разозлился ещё сильнее.

— Чтобы я — и обидел тебя? — прошипел он. — Да я и подойти-то боялся! Ты же набрасывался на меня без всякой причины, стоило только на глаза попасть, и осыпал площадной бранью.

На лице Мо Сюня отразилось глубокое потрясение:

— Я... я был таким плохим?

Он принялся неловко шаркать ногой по полу, уставившись в землю:

— Тогда... прости меня, ладно?

Фан Лин замер, точно пораженный громом. Он смотрел на Мо Сюня со странным выражением, не в силах понять, что чувствует в этот миг. Он привык к запаху крови и лязгу стали на поле боя. В армии конфликты решались просто: повздорил с кем-то — подрались, и злость прошла.

Но Мо Сюнь был другим. Фан Лин никогда не встречал столь омерзительного человека. Принц бил его, оскорблял, унижал... Стоило маркизу решить, что не стоит тратить время на эту ничтожность, как следовала ещё более изощренная издевка.

Фан Лин не раз представлял, как ломает этому негодяю руки и ноги, а затем тащит его за лошадью по пыльным дорогам. Но то были лишь мечты.

И вот — Мо Сюнь стал дураком. Дураком, который забыл всё, что совершил. Он больше не был заносчивым, не был злым. Он перестал измываться над слабыми. И даже тогда, когда старый император на глазах у всех хотел обесчестить певичку, именно Мо Сюнь первым бросился на защиту.

Маркиз не знал, как теперь относиться к принцу. А уж когда он услышал это простое «прости», его гнев окончательно сошёл на нет. Каким бы несносным ни был прежний Мо Сюнь, нынешний был чист, точно белый лист бумаги. Фан Лин решил, что пора оставить прошлое в покое.

Он молча опустил голову и принялся снова застегивать наручи. В этот момент Мо Сюнь что-то вложил ему в руку. Развернув сверток, маркиз обнаружил внутри несколько кусочков сахара.

— На, ешь, — мило просиял Мо Сюнь.

— Взрослый же человек, а всё сахар трескаешь, — буркнул Фан Лин.

— Так не будешь?

Маркиз покачал головой. Несмотря на отказ, Мо Сюнь помедлил секунду, а затем внезапно схватил кусок сахара и бесцеремонно запихнул его Фан Лину в рот. Тот попытался уклониться, но спина уперлась в стену. Пришлось ему волей-неволей принять угощение.

Сначала на языке растеклась приятная сладость, но уже в следующее мгновение вкус сменился невыносимой кислотой. Лицо маркиза исказилось, он со свистом втянул воздух и тут же выплюнул остатки на ладонь. Оказалось, что под слоем сахарной пудры скрывалась незрелая зеленая слива.

Мо Сюнь так и покотился со смеху, хлопая в ладоши:

— Это самая кислая слива, которую Ян Ло только смогла найти! Ха-ха-ха! Ты бы видел свою физиономию!

Глядя на то, как принц надрывается от смеха, Фан Лин понял, что его нагло разыграли. Помрачнев, он протянул руку, намереваясь поймать шутника. Мо Сюнь, почуяв неладное, бросился наутек, но Фан Лин сгреб его за шиворот, точно нашкодившего котенка.

Развернув принца к себе, Фан Лин достал из мешочка ещё одну сливу и силой запихнул её Мо Сюню в рот. Лишь когда лицо юноши сморщилось, маркиз с удовлетворением разжал пальцы.

Он поднял взгляд и обнаружил, что за их возней наблюдает чуть ли не половина гостей. По залу прокатился одобрителный шепот:

— Надо же, Маленький принц и молодой маркиз — точно дети малые, до чего же чистые и искренние души!

Бог весть, была ли в этих словах доля иронии или же люди говорили всерьез. Фан Лин обвел присутствующих коротким взглядом, а затем посмотрел на Мо Сюня, который так и опустился на пол. Тот зажал щеку ладонью, причмокивая, но сливу так и не выплюнул — ел с таким видом, будто это изысканный деликатес. Не знай Фан Лин правды, он бы и впрямь решил, что угостил брата чем-то необычайно вкусным.

Мо Сюнь сидел на корточках, забыв о всяком достоинстве, и вдруг снова глуповато заулыбался. Фан Лин внезапно почувствовал, как шрамы на предплечье, которых только что касался юноша, начало странно покалывать.

Он присел рядом и протянул руку:

— Вставай давай.

— Не-а, — пробормотал Мо Сюнь с набитым ртом. — Где упал — там и ложись поспать. А я ещё не спал сегодня.

Фан Лин вздохнул, схватил его за плечо и одним рывком поставил на ноги. Мо Сюнь в ответ лишь радостно осклабился.

«Ну и дурак», — подумал маркиз.

Глядя в это бестолковое лицо, злиться было просто невозможно. Фан Лин поджал губы и, наклонившись к самому уху юноши, тихо произнес:

— Послушай, Мо Сюнь. Лучше тебе навсегда остаться таким. Если ты когда-нибудь всё вспомнишь — пощады от меня не жди.

Мо Сюнь лишь непонимающе хлопнул глазами.

В этот момент к ним подошел Мо Хэмяо. Его хмельной взгляд скользнул по обоим:

— О чем это вы тут шепчетесь?

— О, — живо отозвался Мо Сюнь, — он сказал, что собирается меня щадить!

Фан Лин:

«...?!»

Придворные, жадно ловившие каждое слово:

«?!»

Фан Лин почувствовал, что если та слива просто заставила его поморщиться, то теперь он точно наглотался горькой полыни — и оправдаться не получится!

***

Спустя время, когда несколько гостей покинули покои Мо Чэнцзина, пришел черед Мо Хэмяо и Мо Сюня. Перед тем как войти, юноша то и дело оглядывался на Фан Лина:

— А ты разве не пойдешь с нами повидать старшего брата?

— Вам с принцами выпал редкий шанс побыть в семейном кругу, — сухо ответил маркиз. — Скромному слуге не пристало мешать вашему воссоединению.

Мо Сюнь озадаченно посмотрел на Мо Хэмяо:

— Что он сказал? Ему что, с нами скучно?

Фан Лин:

«...»

Мо Хэмяо громко расхохотался и снова стукнул брата веером:

— Ох и ну ты и фрукт!

Вспомнив, какой ужас он испытал прошлой ночью, когда, открыв глаза, увидел в изголовье две черные кривые рожицы, Мо Чэнцзин невольно улыбнулся. Он легонько сжал руку брата сквозь рукав:

— Это не твоя вина, А-Сюнь. Просто я оказался слишком пуглив.

Мо Сюнь был растроган до глубины души. Какой же золотой человек! Его до смерти напугали, а он ещё и оправдывает. Юноша потихоньку припрятал в рукав двух новых глиняных человечков — эти вышли ещё уродливее вчерашних.

Мо Хэмяо, наблюдая за этой сценой, картинно всплеснул руками:

— Надо же, какая трогательная картина! Братья души друг в друге не чают, я просто вне себя от восторга.

Каждое слово Второго принца так и брызгало ядом. Он не унимался:

— Эх, гляжу я на вас, и мне, бедному калеке, становится так завидно, что хоть плачь.

Лицо Мо Чэнцзина снова побледнело:

— Второй брат, не говори так.

— Что? Неужели мои слова режут слух Наследному принцу? — Мо Хэмяо вызывающе вскинул подбородок.

Мо Сюнь переводил взгляд с одного на другого. Почувствовав, как воздух в комнате стремительно леденеет, он вдруг задрал голову и оглушительно зарыдал. Он завывал во весь голос, так громко и неистово, что оба брата подскочили от неожиданности. Мо Чэнцзин даже забыл о кашле и принялся судорожно гладить Мо Сюня по спине:

— А-Сюнь, ну что ты? Почему ты плачешь?

На лице Мо Хэмяо отразилось замешательство. Он подошел ближе и попытался закрыть брату рот ладонью:

— Да замолчи ты, маленький дурачок! Чего орешь?

Слезы катились по щекам Мо Сюня крупными градинами.

— Старший брат и второй брат ссорятся! Мне страшно! — запричитал он сквозь рыдания.

Оба принца замерли в оцепенении. В их головах промелькнула одна и та же мысль: неужели даже в своем безумии он чувствует это напряжение?

Видя, что Мо Сюнь не унимается, братья совершенно растерялись.

— Не плачь, А-Сюнь, — уговаривал Мо Чэнцзин, — хочешь сладостей? Я велю принести...

— Да какие ссоры, маленький дурачок? — вторил ему Мо Хэмяо. — Хватит выть, у меня уже в ушах звенит. Если люди снаружи услышат — позору не оберешься.

Будто в подтверждение его слов, за дверью послышались торопливые шаги:

— Ваше Высочество, что случилось?

— Второй принц, всё ли в порядке?

— Маленький принц? Вам плохо?

Мо Чэнцзин, задыхаясь от кашля, крикнул:

— Всё хорошо... Уходите!

Мо Сюнь продолжал завывать:

— Как начнете ругаться — так до потери памяти! Старшего брата брат — это второй брат, второго брата брат — это старший брат, а папин папа — это дедушка!

— ...Что за чушь он несет?

Мо Хэмяо почувствовал, что голова у него сейчас лопнет. Он снова попытался зажать принцу рот:

— Да замолчи же ты наконец!

Договорить он не успел — Мо Сюнь пребольно тяпнул его за ладонь. Мо Хэмяо с шипением отдернул руку и невольно переглянулся с Мо Чэнцзином.

— Всё-всё, — выдохнул Второй принц, — я больше не спорю со старшим братом. Только не плачь.

Рыдания Мо Сюня стали чуть тише:

— Правда?

— Конечно, правда, — хором ответили оба.

Лишь после этого завывания окончательно сошли на нет. Принцы с облегчением выдохнули. Мо Чэнцзин хотел было вытереть заплаканное лицо брата своим платком, но тот увернулся. Всклипнув напоследок, Мо Сюнь перевел взгляд с одного на другого:

— Точно-точно не будете больше ссориться?

— Точно.

— Угу.

— Тогда миритесь, — потребовал Мо Сюнь. — Дайте друг другу руки.

Братья застыли, не шевелясь. Увидев это, Мо Сюнь снова скривился. Мо Чэнцзин поспешно протянул руку. Мо Хэмяо помедлил, но в конце концов тоже подал ладонь. Они быстро

обменялись рукопожатием.

— Теперь доволен? — буркнул Второй принц.

— Нет, — отрезал Мо Сюнь. — Повторяйте за мной: «Мы больше никогда не будем ссориться».

— ...

Принцы снова переглянулись.

— Мы больше никогда не будем ссориться, — сухо проговорили они.

Но Мо Сюнь вошел в азарт:

— А теперь второй брат должен поднять старшего брата и покружить!

— А старший брат пусть встанет на четвереньки, а второй брат покатается на нем, как на лошадке!

Мо Чэнцзин:

«...»

Мо Хэмяо:

«...»

У Второго принца дернулся уголок рта. Он не выдержал и ощутимо приложил Мо Сюня веером по голове:

— А ну не наглей, маленький дурачок!

Мо Сюнь утер лицо и весело рассмеялся. Братья лишь беспомощно вздохнули. В их головах одновременно созрела одна и та же мысль: пожалуй, в будущем не стоит заводить детей.

***

Дождавшись, пока Мо Чэнцзин уляжется отдыхать, Мо Сюнь вместе со Вторым братом вышел из покоев. Фан Лин всё так же подпирал стену. Увидев Мо Сюня, он хмыкнул:

— Что это с тобой было? Хвост прищемили? Орал на всю округу.

Мо Сюнь принялся кружиться на месте:

— Хвост? Какой хвост? У меня нет хвоста!

Фан Лин:

«...»

Мо Хэмяо потянулся:

— Ну, я пойду выпью. Маленький дурачок, со мной пойдешь?

Мо Сюнь задумался и покачал головой:

— Мне нельзя, я принял цефалоспорин.

— Цефало-что? Опять бредишь. — Мо Хэмяо рассмеялся, привычно хлопнул брата по макушке и неспешно побрел прочь.

Вернувшись во дворец Юйсю, Мо Сюнь обнаружил там небывалую суету.

— Что случилось? — спросил он.

Служанка ответила:

— Через несколько дней маленькой принцессе исполнится сто дней. Государь велел устроить пышное празднество, так что во всех дворцах велено навести порядок и украсить залы.

Мо Сюнь буркнул «ясно». Он понимал, что императору просто нужен лишний повод для пира. От нечего делать он пристал к слугам и принялся помогать вешать фонари. После ужина юноша решил принять ванну.

В этом деле Мо Сюнь был непреклонен — никого не подпускал. Ян Ло пришла к компромиссу: принц отгораживался тремя слоями ширм, а служанка ждала у самой двери.

Мо Сюнь сидел в бочке, с остервенением намыливая голову и проклиная свои длинные волосы. В этот момент до него донесся голос Ян Ло:

— Ах да, сегодня господин Чжанъинь прислал сладости из той знаменитой лавки. Сказал, что это ответный дар Вашему Высочеству. Соизволите отведать сейчас?

— Сейчас! — отозвался Мо Сюнь. — Буду есть прямо во сне.

Ян Ло опешила:

— ...Как это — во сне?

Она хотела было спросить, но вдруг услышала за спиной тихие шаги. Обернувшись, она увидела Гу Суйчжи.

От евнуха веяло таким холодом, точно перед ней стоял сам жнец. Она уже собиралась упасть на колени, но Гу Суйчжи приложил палец к губам. Жестом он велел ей подняться и прошептал несколько слов на ухо.

— Ваше... Ваше Высочество, — позвала она.

Из-за ширмы послышалось бульканье.

— Чего?.. Буль-буль... — отозвался Мо Сюнь.

Ян Ло, следуя приказу Гу Суйчжи, спросила:

— Ваше Высочество, что вы думаете о господине Чжанъине?

За ширмой воцарилась тишина. Наконец Мо Сюнь подал голос:

— А кто это — Чжанъинь?

Служанка осторожно оглянулась на Гу Суйчжи. Тот с улыбкой кивнул.

— Это господин Гу Суйчжи.

— А-а! — голос Мо Сюня мгновенно стал жизнерадостным. — Ты про него!

— Да, про него. Так что вы о нем думаете?

На этот раз ответ последовал незамедлительно:

— Он мужик!

Ян Ло услышала, как за её спиной Гу Суйчжи тихо хмыкнул.

— А... а ещё что? — допытывалась служанка.

— У него волосы длинные.

— И всё?

— И он очень белый.

— И это всё?

— Ну... ещё... — Мо Сюнь снова побулькал водой. — Он красивый, хе-хе.

Гу Суйчжи снова едва слышно рассмеялся.

— Уходи. Мне нужно поговорить с Маленьким принцем с глазу на глаз.

Ян Ло с тревогой покинула покои.

***

За ширмой Мо Сюнь тоже услышал голос евнуха.

«Слава богу, я ни на секунду не вышел из образа...»

Глядя на его бестолковое лицо, Гу Суйчжи помрачнел. Мо Сюнь неуверенно спросил:

— Гу Суйчжи, ты... ты злишься?

Тот не ответил. Он резко разжал пальцы и направился к выходу. Мо Сюнь воспользовался моментом: выскочил из бочки и наскоро обернулся одеждой. Даже самый храбрый мужчина чувствует себя беззащитным, когда он гол как сокол.

Гу Суйчжи вернулся, неся поднос со сладостями. Он уселся в кресло и постучал пальцем по столу:

— Подойди.

Мо Сюнь не шелохнулся. Гу Суйчжи вскинул бровь:

— Не слушаешься? Неужели Ваше Высочество соскучились по плетям?

Юноша вздрогнул. Пришлось ему покорно направиться к евноху. Но у дурака были свои хитрости. На первый взгляд казалось, что он идет вперед, но на самом деле Мо Сюнь делал два шага вперед и три — назад.

Гу Суйчжи едва не рассмеялся:

— ...А ну живо сюда!

Поняв, что хитрость раскрыта, Мо Сюнь уныло побрел к нему, что-то бормоча под нос:

— Ньютон увидел яблоко и додумался до гравитации; Мопиро в ванне открыл закон земного вращения; а ты видишь мой маневр «два вперед, три назад» и можешь только звать меня к себе? Вот почему ты никогда не станешь математиком.

— Что ты там опять лопочешь?

Гу Суйчжи схватил его за запястье и рывком притянул к себе. Он широко расставил ноги, зажимая колени юноши своими. Евнух взял пирожное и поднес к губам Мо Сюня. Тот замотал головой.

Пальцы евноха сжали угощение сильнее, прижимая его к губам юноши. Гу Суйчжи смотрел на него тяжелым взглядом, точно зверь в тени. Мо Сюню на миг показалось: если он не подчинится, эта ледяная рука сомкнется на его горле.

Он глубоко вздохнул и послушно открыл рот. Проглотив пирожное, он радостно захлопал в ладоши:

— Вкусно! Хе-хе!

Гу Суйчжи промолчал. Стоило Мо Сюню доесть, как евнох тут же поднес следующее. Когда на подносе остался последний кусочек, Гу Суйчжи внезапно прижал холодный большой палец к нижней губе юноши:

— Ваше Высочество.

Он надавил так сильно, что Мо Сюнь охнул. Ледяная рука скользнула ниже, обхватив шею. Евнух сжимал пальцы, пока в глазах Мо Сюня не отразился настоящий ужас. Только тогда он ослабил хватку.

Юноша тихо закашлялся и снова глупо заулыбался. Глядя на это бесхитростное лицо, Гу Суйчжи ощутил невольное бессилие. Его бесило то, как легко принц сходился с остальными.

«Обидно. Словно ударил кулаком в мягкую подушку, а та принялась уютно обволакивать мою руку».

Он глубоко вздохнул и бросил:

— Ну и остолоп же ты...

Мо Сюнь рассмеялся ещё громче. Гу Суйчжи лишь сокрушенно покачал головой. Он заставил юношу несколько раз назвать себя «хозяином», и только когда его лицо перестало напоминать грозовую тучу, евнух поднялся и ушел.

Но вскоре он вернулся. Гу Суйчжи усадил принца в кресло и принялся вытирать его волосы полотенцем. Закончив, он взял чистую одежду, явно намереваясь переодеть Мо Сюня сам. Но тут юноша воспротивился. Он мертвой хваткой вцепился в свои мокрые лохмотья:

— Нет! Не буду! Не сниму!

Гу Суйчжи это только развеселило:

— Ваше Высочество боятся, что я что-то с ними сделаю? Я же евнух.

Но Мо Сюнь принялся бегать по комнате, не даваясь в руки. Гу Суйчжи лишь хмыкнул. Он ведь просто не хотел, чтобы тот простудился, заснув с мокрой головой.

Гу Суйчжи махнул рукой, мысленно выругал себя за желание услужить и окончательно покинул покой.

***

Убедившись, что евнух ушел, Мо Сюнь выбрался из своего убежища. Поспешно сбросив мокрую одежду, он забрался под одеяло, пытаясь согреться.

Его колотило наполовину от холода, наполовину от страха перед Гу Суйчжи. Но это был не тот ужас, что охватывает при виде призрака.

«Это похоже на то чувство, когда родители вдруг называют тебя по полному имени и просят сесть и выслушать что-то важное. Мо Сюнь предпочел бы, чтобы Гу Суйчжи просто дал ему затрещину. Но нет — тот расчесывал ему волосы, кормил сладостями и при этом молчал о причинах своего гнева».

***

Через два дня наступил срок празднования столетия маленькой принцессы. Во дворцах царило небывалое оживление. Наконец начался и сам пир.

Мо Сюнь сидел подле императора. Не по своей воле — так велел утром Гу Суйчжи. Евнух строго предупредил:

— Ваше Высочество, ведите себя на пиру пристойно. Не смейте перечить государю.

Мо Сюнь хлопнул глазами:

— А если он снова начнет обижать людей?

Гу Суйчжи почувствовал странное изумление. Мо Сюнь вцепился в его рукав:

— Гу Суйчжи, я не хочу видеть, как он раздевается. Он такой некрасивый, у него на животе складки, у меня от этого глаза болят.

Волна злорадства захлестнула сердце евнуха. Он весело рассмеялся и прошептал юноше на ухо:

— Раз Ваше Высочество просят, я обещаю: сегодня вы не увидите этого непотребства.

Но сейчас Мо Сюнь чувствовал себя так, будто сидит на иголках. От императора за версту несло вином и гарью от его алхимических опытов. Юноша принялся оглядываться в поисках знакомых лиц. Мо Чэнцзин вел беседу с князьями; Мо Хэмяо о чем-то громко хохотал; Фан Лин посадил младшую сестренку на плечи. А Гу Суйчжи нигде не было видно.

Заметив, что на него никто не смотрит, Мо Сюнь решил улизнуть. Он пробрался к няньке, державшей на руках виновницу торжества. Юноша просто положил свой нефритовый кулон ей в ручонки:

— На, держи, это вкусно.

Малышка будто поняла его — расплылась в беззубой улыбке. Нянька спросила Мо Сюня:

— Ваше Высочество не желают поддержать маленькую принцессу?

Мо Сюнь тут же замотал головой:

— Я не умею!

«А ну как я её уроню?»

Но нянька принялась всовывать младенца ему в руки. Мо Сюнь уже собрался было дать стрекача, но кто-то крепко перехватил его за плечо.

— Чего это ты расшумелся?

Гу Суйчжи с улыбкой смотрел на него. Он принял принцессу из рук побледневшей няньки и принялся наставлять Мо Сюня:

— Левую руку выше, правую — шире... Вот так. Замри.

В следующее мгновение малышка оказалась у него в руках. Мо Сюнь едва не выронил её. Гу Суйчжи вовремя поддержал его под локти. Со стороны казалось, что он нежно обнимает Мо Сюня за плечи.

Юноша посмотрел на руки Гу Суйчжи, а затем поднял на него пустой взгляд:

— Ты меня лапаешь.

В хищных глазах евнуха заплясали искры смеха. Его левая рука всё ещё поддерживала локоть Мо Сюня, а правая коснулась волос принцессы.

Ледяная кожа коснулась руки юноши, и Мо Сюнь услышал вкрадчивый голос:

— Как думает Ваше Высочество, суждено ли этой крохе вырасти счастливой?

***

Радость от избавления длилась недолго — Мо Сюнь снова напрягся.

«Какого черта Гу Суйчжи приперся к нему в такой час? И почему его шаги звучат всё ближе и ближе? Он же ещё не оделся!»

Высокая фигура уже миновала ширму. Гу Суйчжи замер прямо перед ним. Мо Сюнь задрал голову и долго хлопал глазами. Наконец он выдал:

— Развратник.

Гу Суйчжи едва не рассмеялся, но снова напустил на себя холод. Он внезапно протянул руку и ущипнул Мо Сюня за мокрую щеку.

— Непослушный мальчик, — прошипел Гу Суйчжи. — Ваше Высочество соизволили отвесть угощение от молодого маркиза?

***

Войдя во внутренние покои, Мо Сюнь сразу почувствовал перемены. Запах лекарств стал ещё гуще. Когда он увидел Мо Чэнцзина, тот только что закончил бороться с очередным приступом; на платке алели пятна крови.

Мо Сюнь уселся на край кровати:

— Старший брат, у тебя кровь идет.

— Не беспокойся об этом, маленький дурачок.

Ответил за него Мо Хэмяо. Он развалился в кресле и усмехнулся:

— Наш Наследный брат хрупок телом — чуть что случится, сразу заходится кровавым кашлем.

Второй принц с сухим щелчком раскрыл веер.

— Я слышал, Наследному брату стало хуже после того, как он вчера увидел двух страхолюдных глиняных истуканов, что пялились на него из темноты. Неужто так сильно испугался?

Мо Сюнь:

«...»

Рука Линь Му, сжимавшая чашку, мелко задрожала. Вечерний бриз внезапно показался ему нестерпимо жарким. Он зажмурился.

— Старший?

Гу Суйчжи озадаченно пробормотал:

— Ну... это... Я не думал, что всё так обернется. Если только он не добавил туда какую-то особую траву.

Линь Му холодно переспросил:

— Неужели?

Гу Суйчжи с самым невинным видом развел руками:

— Клянусь, на этот раз я не нарочно.

<http://bllate.org/book/15862/1439751>